

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Баталова М.Р.

ЗАЩИТНЫЕ ОГОВОРКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам применения категории защитных оговорок, в частности оговорки о публичном порядке и императивных (сверхимперативных) норм в праве Турецкой Республики. Данная проблема сохраняет свою актуальность, несмотря на проведенную в этой стране в 2007 г. кодификацию международного частного права. Турецкий законодатель активно использует обе защитные оговорки. Те элементы публичного порядка, которые получили нормативное закрепление, как правило, защищаются с использованием механизма «сверхимперативных норм». Обращение к позитивному варианту оговорки свидетельствует не об избыточности такого механизма защиты публичного порядка, а о конкретизации его назначения. Действие негативной оговорки распространяется на те области международных частноправовых отношений, где обеспечение публичного интереса не может быть гарантировано только императивными нормами. В качестве опорных в статье использованы следующие методы: • исторический метод, позволяющий проследить эволюцию института защитных оговорок в МЧП Турецкой Республики; • сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить отличительные особенности правового регулирования института защитных оговорок в МЧП Турецкой Республики путем сравнения с другими современными национальными кодификациями в этой отрасли. По итогам исследования сделан вывод, что турецкий законодатель предоставляет прерогативу толкования категорий «публичный порядок», «императивные нормы» доктрине и правоприменительной практике, а отсутствие четких ориентиров и руководящих разъяснений со стороны вышестоящих судебных инстанций не позволяют турецкому правоприменителю унифицировать судебную практику по указанному вопросу.

Ключевые слова: Международное частное право, международный гражданский процесс, Турецкая Республика, защитные оговорки, публичный порядок, императивные нормы, сверхимперативные нормы, кодификация, коллизионные нормы, применимое право.

Abstract: This article is dedicated to the issues associated with the use of the arbitration clauses category including the clause of public policy and mandatory (super-mandatory) norms in the legislation of the Republic of Turkey. This issue remains relevant despite the codification of Private international law that took place in this country in 2007. Turkish legislature actively uses both arbitration clauses. As a rule, the elements of public policy that received normative consolidation use the “super-mandatory norms” as the mechanism for defense. Using the positive variation of the clause does not demonstrate the redundancy of such mechanism, rather the specificity of its purpose. The effects of the negative clause expand into the areas of Private international legal relations where security of public interest cannot be guaranteed by mandatory norms alone.

Keywords: Private international law, international civil procedure, the Republic of Turkey, arbitration clauses, public policy, mandatory norms, super-mandatory norms, codification, choice of law.

Справедливое соотношение частных и общественных интересов в международном частном праве (далее – МЧП) в основном достигается с помощью оговорки о публичном порядке, императивных (сверхимперативных) норм и запрета обхода закона. Данные механиз-

мы МЧП представляют собой исключительные случаи отказа от применения иностранного права и ограничения автономии воли сторон в целях защиты базовых принципов построения экономической, политической и правовой систем государства и принципов морали. Как пишет

С.В. Крохалев, в определенный момент времени движение в сторону усиления диспозитивности в МЧП достигло своего исторического максимума. Современная трактовка оговорки о публичном порядке и императивных норм в законодательстве и правоприменительной практике позволяет говорить о «публикации МЧП»¹. В турецком законодательстве закреплены положения об оговорке о публичном порядке и сверхимперативных нормах. Данные положения содержатся в первой главе Турецкого кодекса международного частного права и международного гражданского процесса (далее – Кодекс 2007 г.), в частности статье 5 – «нарушение публичного порядка» и статье 6 – «преимущественное значение императивных норм турецкого права»².

Оговорка о публичном порядке

Институт оговорки о публичном порядке выступает в качестве проявления суверенитета государственной власти и призван разрешить вопрос о соотношении норм международного публичного и частного права³. Существуют две концепции оговорки о публичном порядке – позитивная и негативная. Суть позитивной (франко-итальянской) концепции публичного порядка Л.А. Лунц сводит к тому, что некая совокупность национальных правовых норм в силу их значимости не допускает применения иностранного права. Данный вариант оговорки предполагает обязательное применение национальных норм, обладающих «особой важностью для защиты общественных и моральных устоев государства, даже если коллизионная норма признает компетентным иной порядок»⁴. Впервые позитивная концепция публичного порядка была сформулирована в ст. 6 Французского гражданского кодекса: «Нельзя

частными соглашениями отступать от законов, затрагивающих публичный порядок и добрые нравы».

Негативная (германская) концепция оговорки о публичном порядке предполагает, что иностранные правовые нормы не применяются, если последствия их применения явно противоречат публичному порядку данного государства. Основное назначение публичного порядка в МЧП, по мнению Л.А. Лунца, заключается в ограничении действия иностранного права⁵. Впервые негативная концепция публичного порядка была закреплена в ст. 30 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению: «Применение иностранного закона исключается, если это применение противоречило бы добрым нравам или цели германского закона»⁶. Иными словами, если при позитивной концепции акцент делается на неприкосновенности основополагающих нормативных предписаний в государстве, то при негативной концепции – на отрицательных последствиях применения иностранного права. Негативная оговорка исходит из презумпции непротиворечия применения иностранной нормы публичному порядку⁷. Отсюда следует запрет на применение оговорки на основании лишь отличий правовых, политических и экономических систем государств (ст. 1193 ГК РФ, ст. 12 (2) Закона о МЧП Украины 2005 г.).

В подавляющем большинстве законодательных актов о МЧП предусмотрен негативный вариант оговорки о публичном порядке. Турецкое законодательство не является исключением. В соответствии со ст. 5 Кодекса 2007 г., «если норма иностранного права, которая применяется в конкретном случае, явно противоречит турецкому публичному порядку, то эта норма не должна применяться; если это представляется необходимым, то подлежит применению турецкое право».

Интересно отметить, что данная норма осталась неизменной по сравнению с предыдущей систематизацией норм МЧП Турецкой Республики.

¹ Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб, 2006. С. 433.

² Statut 5718 // Resmi Gazete. 12.12.2007. № 26728 (перевод на русский язык – Турецкий кодекс 2007 г. «О международном частном праве и международном гражданском процессе» (Закон № 5718, принят 27 ноября 2007 г.) // Журнал международного частного права. 2009. № 3(65)).

³ Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник. М., 2011. С. 165.

⁴ См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3-х т. М., 2002. С. 274.

⁵ См.: Лунц Л.А. Указ. соч. С. 269, 270.

⁶ Цит. по: Там же. С. 271-272.

⁷ См. также: Крохалев С.В. Указ. соч. С. 115-116. Ю.Г. Морозова использует аналогичное по содержанию понятие «презумпции справедливости и применимости иностранной нормы». См.: Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 107; Крутий Е.А. Защитные оговорки в современных кодификациях международного частного права // Адвокат. 2011. № 4.

Аналогичная норма содержалась в Законе о международном частном праве 1982 г. (далее – Закон 1982 г.)⁸, который действовал с 20 ноября 1982 г. по 12 декабря 2007 г. и представлял собой первый законодательный акт кодификации МЧП в Турции.

За время действия Закона 1982 г. и в характере регулируемых правоотношений, и в правовой системе Турции произошли серьезные изменения. Были внесены существенные поправки в гражданское, корпоративное, конкурентное, транспортное и страховое законодательство Турции, которые затронули и регулирование отношений в сфере МЧП. В результате в Турецкой Республике начался процесс «европеизации» права, который проявился в интенсивных исследованиях, нацеленных на создание «европеизированного частного права»⁹. По мнению турецких исследователей, процесс адаптации турецкого права к международным стандартам идет непрерывно¹⁰. Тем не менее, несмотря на то, что Кодекс 2007 г., заменивший Закон 1982 г., привнес в турецкое законодательство МЧП множество новелл, норма о нарушении публичного порядка доказала свою состоятельность и осталась неизменной.

Турецкий законодатель, оперируя привычным для МЧП термином «публичный порядок», не раскрывает его содержания. Интересно отметить, что столь важная правовая категория так и остается нераскрытой в современных кодификациях МЧП (ст. 21 Кодекса МЧП Бельгии 2004 г., ст. 45 Кодекса МЧП Болгарии 2005 г., ст. 21 «Рим II», ст. 26 «Рим I»)¹¹. Все перечисленные законодательные акты, включая Кодекс 2007 г., являются одними из наиболее современных и полных, однако ни национальный, ни европейский законодатель даже в общих чертах не пытаются дать границы категории «публичный порядок». Подобное законодательное решение соотносится с доктриной о нецелесообразности нор-

мативистского подхода к толкованию публичного порядка¹². Действительно, понятию публичного порядка в силу самой его природы имманентна некая неопределенность, данное понятие является «каучуковым» и не поддается точному определению из-за своей неопределенности и «растяжимости»¹³. Категория «публичный порядок» является многогранной и подверженной систематическим изменениям в ходе развития общества, поэтому справедливо утверждать, что любая, даже самая подробная, его формулировка со временем устаревает.

Турецкий профессор Г. Текиналп объясняет, что отсутствие дефиниции «публичный порядок» в турецком праве обусловлено тем, что содержание данной категории подвержено изменениям во временном и пространственном контекстах¹⁴. Турецкий законодатель использует такие оценочные формулировки, как «явно противоречат» и «если это будет сочтено необходимым», что допускает различные трактовки данной категории в зависимости от усмотрения правоприменителя. Законодатель предоставляет прерогативу толкования понятия «публичный порядок» правоприменительной практике и доктрине. Г. Текиналп и Е. Номер определяют содержание категории «публичный порядок» через национальную концепцию основных принципов, лежащих в основе конституционных прав и правовых норм в целом¹⁵. Турецкий исследователь А. Чаньяш, говоря о судебных решениях, нарушающих публичный порядок, подразумевает судебные решения, которые не вписываются в рамки основных социальных, политических и экономических принципов турецкого общества, затрагивают основы его этики, прав или свобод¹⁶.

⁸ Statut 2675 // Resmi Gazete. 22.06.1982. № 17701. (перевод на русский язык – Муранов А.И., Жильцов А.Н. Национальные кодификации в современном международном частном праве // Международное частное право: иностранное законодательство. М., 2001).

⁹ Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012. P. 57.

¹⁰ Ansay T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011. P. 27.

¹¹ См. также: ст. 21 Гагской конвенции о международной защите совершеннолетних (2000), ст. 32 Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (2001).

¹² См., напр.: Корецкий В.М. Оговорка о публичном порядке в англо-американской судебной практике по делам, затрагивающим интересы СССР // Ученые записки. Выпуск 1. М., 1939. С. 132.

¹³ Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. 2014.

¹⁴ Tekinalp, Guloren. Nomer, Ergin. Boztosun, Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International. 2012. P. 59.

¹⁵ Tekinalp, Guloren. Nomer, Ergin. Boztosun, Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International. 2012. P. 59.

¹⁶ Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law

Турецкая правоприменительная практика только вырабатывает подходы к установлению объема и элементов содержания оговорки о публичном порядке. Одна из наиболее удачных дефиниций предложена Высшим кассационным судом, который в своем решении от 6 мая 1998 г. (т.е. еще до принятия Кодекса 2007 г.) предпринял попытку очертить общие рамки категории «публичный порядок», понимая под ним «события, серьезно противоречащие или подрывающие правила морали и честности, основные принципы и ценности права и общества, справедливости, понимания морали и фундаментальных прав, предусмотренных Конституцией»¹⁷. Следующий шаг в данном направлении был сделан Высшим кассационным судом в 2012 г. Ссылаясь на ст. 54 Кодекса 2007 г., согласно которой одним из условий отказа в исполнении иностранных судебных решений является противоречие их исполнению публичному порядку, Высший кассационный суд попытался ответить на вопрос, нарушает ли отсутствие мотивировочной части в решении иностранного суда турецкий публичный порядок и дал отрицательный ответ: несмотря на то, что согласно императивной норме турецкого права судебное решение должно содержать мотивировочную часть, отсутствие таковой в иностранном судебном решении не делает его автоматически противоречащим турецкому публичному порядку¹⁸.

Современные кодификации МЧП предлагают различные варианты определения категории «публичный порядок». Так, содержание данной категории в национальных актах раскрывается путем закрепления таких понятий, как «существенные принципы права» (ст. 7 Закона о МЧП Эстонии 2002 г.), «основы правопорядка» (ст. 1193 ГК РФ), «общественный порядок и добрые нравы» (§10 Закона о МЧП Южной Кореи 2001 г., §8 Закона о МЧП Тайваня 2011 г.), «всеобщий публичный интерес» (§5 Закона о МЧП Китая 2010 г.); либо указания наиболее значимых внутрисударственных актов (ст. 4 Закона о МЧП Азербайджана 2000 г., ст. 1.11 (1) ГК Литвы 2001

г.). Подобные формулировки продиктованы стремлением придать определенность понятию «публичный порядок». Современные международно-правовые акты включают в понятие «публичный порядок», в частности, европейский публичный порядок, «фундаментальные принципы доставки документов в данном государстве», «принципы процессуальной справедливости»¹⁹, «основные принципы или гарантируемые конституцией права и частные свободы»²⁰, «гарантированную защиту благополучия детей, физическую и психическую целостность личности»²¹, принцип соразмерности размера основного долга и мер гражданско-правовой ответственности^{22,23}.

Формулировку турецкого законодателя, в которой отсутствуют какие-либо рамки определения категории «публичный порядок», вряд ли можно считать удачной. На наш взгляд, закрепление границ категории «публичный порядок» следует расценивать в качестве восполнения пробела в законодательстве. Так, несмотря на то, что основы публичного порядка еще не получили четкого нормативного закрепления, турецкому законодателю следовало бы закрепить в общих чертах критерии категории «публичный порядок», с тем, чтобы задать какие-то рамки и придать хотя бы минимальную определенность данному понятию, разграничив его с другими смежными категориями. В любом случае, турецкая доктрина справедливо признает, что факт противоречия публичному порядку по смыслу ст. 5 Кодекса 2007 г. означает, что не иностранная правовая система в целом, а лишь применение в конкретном случае определенной нормы иностранного права противоречит турецкому публичному порядку²⁴.

Вопрос о том, какие последствия влечет отказ в применении иностранной нормы, является не менее значимым, чем определение содержания «публично-

Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. Vol. 2 No. 17; September 2012. P. 120.

¹⁷ Y. HGK, E.1998 /12-287, K.1998/325, 6.5.1998 // цит. по *Guloren Tekinalp, Unal Tekinalp*. The most recent case-law on the subject of jurisdiction agreements by the Assembly of the Civil Chamber of the Turkish Supreme Court of Appeals // Private law in the international arena. T.M.C. Asser Press. 2000. P. 676.

¹⁸ Y. № 2012/1, 10.02.2012 // O.G. № 28417, 20.09.2012.

¹⁹ Ст. 9 (е), (с) Гаагской конвенции относительно соглашений об исключительном выборе суда (2005).

²⁰ Ст. 26(1) Регламента Совета ЕС № 1346/2000 от 29.05.2000 г. о процедурах несостоятельности.

²¹ Ст. 7 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС № 2008/52/ЕС от 21.05.2008 г. об отдельных аспектах медиации в гражданских и торговых делах.

²² П. 32 преамбулы «Рим II».

²³ *Крумий Е.А.* Защитные оговорки в современных кодификациях международного частного права // Адвокат. 2011. № 4.

²⁴ *Gülin, G.* The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure. Ankara Law Review 5. 2008. P. 4.

го порядка». Турецкий законодатель решил данную проблему следующим образом: сначала предлагается применить другую соответствующую ситуации норму компетентного иностранного правопорядка. Данный вывод следует из анализа формулировки ст. 5 Кодекса 2007 г., согласно которой именно «*эта норма [иностранного права] не должна применяться*». Норма национального (турецкого) права применяется лишь в случае необходимости, возникающей, например, при отсутствии подходящей нормы применимого иностранного права. Одним из первых такое решение предложил португальский законодатель (ст. 22 ГК Португалии 1966 г.). В настоящее время аналогичные нормы содержат и другие современные кодификации МЧП (ст. 21 Кодекса МЧП Бельгии, ст. 45 Кодекса МЧП Болгарии). Данную формулировку следует признать удачной, поскольку подобное решение проблемы, на наш взгляд, в большей мере отвечает интересам МЧП, нежели отсылка в подобных случаях к только национальным нормам (например, ст. 1193 ГК РФ). В доктрине также господствует точка зрения, согласно которой возникающий в данном случае пробел должен быть восполнен, в первую очередь, за счет обращения к другой норме того же иностранного права, а закон суда может применяться только, если регулирование по иностранному праву невозможно в принципе²⁵.

Преимущественное применение императивных норм турецкого права

Институт императивных (сверхимперативных) норм – исторически более поздняя разновидность защитных оговорок. По сути, она представляет собой оговорку о публичном порядке в позитивном варианте. Впервые оба варианта оговорки – в позитивном и негативном вариантах – были одновременно закреплены в Законе о МЧП Швейцарии 1987 г. (ст. 18). «Императивными» в данном контексте называют нормы, которые закрепляют те элементы публичного порядка, без которых невозможно было бы устойчивое функционирование всех жизненно важных систем государства²⁶. В МЧП отсутствует унифицированная терминология для обозначения данного института. Турецкий законодатель исполь-

зует термин «*важнейшие императивные нормы*» и «*основные императивные нормы*» (ст. 6 и 31 Кодекса 2007 г.). Синонимами данных понятий являются «нормы непосредственного применения» (ст. 14 Закона о МЧП Македонии 2007 г.), «нормы непосредственного применения» (ст. 1192 ГК РФ), «преобладающие императивные положения» («Рим I» и «Рим II»). В доктрине данные нормы зачастую имеют как «сверхимперативные»²⁷.

Интересно отметить, что Закон 1982 г. не содержал регулирования института императивных норм. Данный институт был введен турецким законодателем лишь с принятием Кодекса 2007 г. и является новеллой турецкого законодательства в сфере МЧП. По мнению немецкого исследователя Х. Крюгера, данный институт был введен турецким законодателем в проект Кодекса 2007 г. на самой финальной стадии, в ходе парламентских обсуждений под влиянием швейцарского Закона о МЧП²⁸. Турецкая исследовательница Г. Гюнор отмечает, что сама проблема преимущественного применения императивных норм является очевидной и давно знакомой турецкой правовой доктрине, но закрепление данного института в Кодексе 2007 г. является новым для турецкого законодательства: установив подобное правило, законодатель предпринял попытку устранить неясности, которые могут возникнуть на практике²⁹.

Положение о преимущественном применении императивных норм закреплено в ст. 6 Кодекса 2007 г. следующим образом: «*если применимым является иностранное право, то важнейшие императивные нормы турецкого права подлежат применению по делам в отношении конкретных целей и сферы приме-*

²⁷ См., к примеру, *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. 304 с.; *Международное частное право: учебник: в 2 т. / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой.* М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть.; *Крохалев С.В.* Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2006. 472 с.

²⁸ *Hilmar Kruger.* An Outline of the History of Turkish Law of Conflict // Arsel Nüsret Semahat. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanununun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. Istanbul. 2010. P. 92.

²⁹ *Gülin, G.* Указ. соч. С. 5.

²⁵ См., напр.: *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право: учебник. М.: Юрайт, 2013. С. 263.

²⁶ *Морозова Ю.Г.* Указ. соч. С. 48, 57, 58.

нения таких норм». Турецкий законодатель оставляет за рамками правового регулирования определение, а также перечень императивных норм (в отличие от многих других современных кодификаций МЧП). К примеру, к императивным нормам могут относиться нормы о форме сделки, предметом которой является право собственности на землю, пользование землей (ст. 17 (3) Закона о МЧП Азербайджана), вещное право на все виды недвижимого имущества (ст. 98 (6) Кодекса МЧП Болгарии), о защите прав работника или служащего по трудовому договору (ст. 96 (1) Кодекса МЧП Болгарии), нормы о защите прав потребителей (ст. 45 (2) Закона о МЧП Украины).

Законодательную дефиницию института императивных норм можно найти в ст. 9 «Рим I»: «Преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых признано страной в качестве имеющего принципиальное значение для охраны ее публичных интересов, таких как ее политическое, социальное или экономическое устройство, в такой степени, в какой они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно настоящему Регламенту». Однако турецкий законодатель, как и в случае с определением категории «публичный порядок», предоставляет прерогативу толкования категории «императивные нормы» доктрине и правоприменительной практике.

Почти все национальные законы не допускают нарушения императивных норм права того государства, с которым отношение наиболее тесно связано. В этом случае обязательно должны учитываться характер и назначение таких норм, а также последствия их применения или неприменения³⁰. Турецкий законодатель ограничивает применение императивных норм другого государства предметно, предусматривая применение императивных норм права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, только в области международного договорного права.

Вопросу соблюдения императивных норм иностранного права посвящена ст. 31 Кодекса 2007 г., согласно которой, «когда закон, регулирующий от-

ношения, возникающие из контракта, подлежит применению, то основные императивные нормы третьей страны могут применяться в случае, если эти нормы наиболее тесно связаны с контрактом. В отношении рассмотрения возможности исполнения и применения или неприменения норм, должны учитываться цель, природа, содержание и последствия применения этих норм». Таким образом, круг государств, императивные нормы которых необходимо соблюдать при рассмотрении спора в сфере международного договорного права, прямо очерчен в законодательстве – это государство, суд которого рассматривает спор (Турецкая Республика), и государство, с которым правоотношение наиболее тесно связано. Интересно отметить, что данная норма (ст. 31) содержится во второй главе первой части Кодекса 2007 г., которая регулирует не общие положения, а вопросы коллизионного регулирования особенной части МЧП. Исходя из буквального толкования, указанная статья не применима к регулированию внедоговорных отношений, отношений наследования и брака. Профессор Д. Гирсбергер указывает, что данная норма, по всей видимости, заимствованная из швейцарского законодательства, применима только к контрактам, в то время как ее аналог – ст. 19 Закона Швейцарии о МЧП – применима ко всем отношениям в области МЧП³¹. Можно лишь предположить, что решение о предметном ограничении применения императивных норм другого государства было принято турецким законодателем в целях своего рода «пробы пера», с тем, чтобы если норма покажет свою состоятельность, распространить ее действие на отношения в иных сферах права.

Таким образом, турецкий законодатель активно использует обе защитные оговорки. Те элементы публичного порядка, которые получили нормативное закрепление, как правило, защищаются с использованием механизма «сверхимперативных норм». Обращение к позитивному варианту оговорки свидетельствует не об избыточности такого механизма защиты публичного порядка, а

³⁰ Ст. 1192 (2) ГК РФ, ст. 20 Кодекса Бельгии, ст. 5 Закона Азербайджана, ст. 1.11(2) ГК Литвы, ст. 46 Кодекса Болгарии, ст. 14 Закона Украины. См. также: ст. 31 (2) Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (2001), ст. 9 (3) «Рим I».

³¹ Girsberger D. Swiss Private international law compared to the new Turkish Act // *Arsel Nüsret Semahat*. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanununun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. İstanbul. 2010. S. 62.

о конкретизации его назначения. Действие негативной оговорки распространяется на те области международных частноправовых отношений, где обеспечение публичного интереса не может быть гарантировано только императивными нормами. Природа данных отношений такова, что их

нормативно-правовое регулирование неизбежно дополняется действием общепризнанных в конкретной правовой системе принципов и обычаев. Пожалуй, именно этим объясняется обращение турецкого законодателя к обоим вариантам защитной оговорки.

Библиография:

1. Ansay T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011.
2. Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. Vol. 2 No. 17; September 2012.
3. Girsberger D. Swiss Private international law compared to the new Turkish Act // Arsel Nüsret Semahat. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanunun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. Istanbul. 2010.
4. Gülin, G. The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure. Ankara Law Review
5. Guloren Tekinalp, Unal Tekinalp. The most recent case-law on the subject of jurisdiction agreements by the Assembly of the Civil Chamber of the Turkish Supreme Court of Appeals // Private law in the international arena. T.M.C. Asser Press. 2000.
6. Hilmar Kruger. An Outline of the History of Turkish Law of Conflict // Arsel Nüsret Semahat. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanunun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. Istanbul. 2010.
7. Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012.
8. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник. М.: Юрайт, 2013.
9. Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. 2014.
10. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник. М., 2011.
11. Корецкий В.М. Оговорка о публичном порядке в англо-американской судебной практике по делам, затрагивающим интересы СССР // Ученые записки. Выпуск 1. М., 1939.
12. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб, 2006.
13. Крутий Е.А. Защитные оговорки в современных кодификациях международного частного права // Адвокат. 2011. № 4.
14. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3-х т. М., 2002.
15. Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
16. Баталова М.Р. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений в Турецкой Республике // Право и политика. – 2013. – 10. – С. 1305 – 1318. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.10.9786.

References (transliterated):

1. Ansay T. Wallace D. Introduction to Turkish law. 6th Edition. Kluwer Law International, 2011.
2. Canyaş Asli Bayata. An Analysis of Public Policy Intervention in the Recognition and Enforcement of Foreign Family Law Judgments under Turkish Private International Law // International Journal of Humanities and Social Science. Vol. 2 No. 17; September 2012.
3. Girsberger D. Swiss Private international law compared to the new Turkish Act // Arsel Nüsret Semahat. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanunun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. Istanbul. 2010.
4. Gülin, G. The Principle of Proximity in Contractual Obligations: The New Turkish Law on Private International Law and International Civil Procedure. Ankara Law Review
5. Guloren Tekinalp, Unal Tekinalp. The most recent case-law on the subject of jurisdiction agreements by the Assembly of the Civil Chamber of the Turkish Supreme Court of Appeals // Private law in the international arena. T.M.C. Asser Press. 2000.

6. Hilmar Kruger. An Outline of the History of Turkish Law of Conflict // Arsel Nüsret Semahat. Avrupa da Devletler Özel Hukuku Ve Yeni Türk Milletlerarası Özel Hukuk Ve Usul Hukuku Hakkında Kanunun Akitler Ve Ticaret Hukukuna İlişkin Hükümleri. Istanbul. 2010.
7. Tekinalp Guloren, Nomer Ergin, Boztosun Ayshe Odman. Private international law in Turkey. Kluwer Law International, 2012.
8. Get'man-Pavlova I.V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Yurait, 2013.
9. Get'man-Pavlova I.V. Mezhdunarodnyi i vnutrennii publichnyi poryadok pri priznanii i ispolnenii inostrannykh arbitrazhnykh reshenii (pravoprimeritel'nyi opyt Frantsii i Rossii) // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. № 1. 2014.
10. Erpyleva N.Yu. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M., 2011.
11. Koretskii V.M. Ogovorka o publichnom poryadke v anglo-amerikanskoi sudebnoi praktike po delam, zatragivayushchim interesy SSSR // Uchenye zapiski. Vypusk 1. M., 1939.
12. Krokhaev S.V. Kategoriya publichnogo poryadka v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse. SPb, 2006.
13. Krutii E.A. Zashchitnye ogovorki v sovremennykh kodifikatsiyakh mezhdunarodnogo chastnogo prava // Advokat. 2011. № 4.
14. Lunts L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3-kh t. M., 2002.
15. Morozova Yu.G. Ogovorka o publichnom poryadke v mezhdunarodnom chastnom prave: ponyatie i sovremenniy poryadok primeneniya: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001.
16. Batalova M.R. Priznanie i prinuditel'noe ispolnenie inostrannykh sudebnykh reshenii v Turetskoi Respublike // Pravo i politika. – 2013. – 10. – С. 1305 – 1318. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.10.9786.